

как форма наказания. Аналогичные сведения встречаются и в восточнославянских обрядах. Такой поступок синонимичен состриганию волос. Однако дегтем мазали и скот, прошедший сквозь земляные ворота в обрядах от мора. Получается, что в более широком смысле обмазывание дегтем — это не наказание, а соответствующая метка. Мазать ворота — значит пометить девушку легкого поведения с тем, чтобы другим было известно (такую парни избегали). Скот, прошедший очищение, метили с целью отличить «чистый» скот от «нечистого».

2.4. Принадлежности рукоделия

Нитка — *сит.* Сакральный характер нитки усматривается в принесении ее в дар духам. Она отдается как самостоятельно, так и в комплекте с другими предметами. Например, духу *Шыври* следует отнести нитку длиной, равной высоте заболевшего человека [Поле 88: 38, 61; 90: 176 и др.].

В похоронных обрядах встречается эпизод, хорошо известный как из жизни, так и из литературы: люди, идущие за водой для обмывания умершего, берут с собой три суровые нитки; такие же нитки раздают после похорон участникам. Существует несколько объяснений на этот счет. Если принимать во внимание вербальный текст, произносимый при опускании нитки в воду, то можно понять, что нитка приносится духу *Шыври* за воду. Согласно другому толкованию, на том свете в рот умершему по этой нитке будет капать вода. Раздавая приготовленные нитки людям, говорят, что это подарок от умершего. Но бросая нитку в воду, говорят: «Пусть будет дорога умершего родственника открытой». В пользу того, что нитки символизируют дорогу, по которой покойник следует в иной мир, свидетельствует и сама форма их использования: первую нитку бросают, выйдя за ворота дома, следующую нитку бросают по дороге к воде, третью, последнюю, — в воду. Вода — это символ иного, нижнего мира. Именно так трактуется она в фольклоре. В сказках нитка ведет героя в подземный мир. Использование нитки в похоронных обрядах можно объяснить и как прокладывание моста для перехода через водную преграду, что не выходит за рамки логического объяснения дороги в иной мир. Многие из тех, кто участвует в похоронах или встречает похоронную процессию в пути, получают три отрезка суровых ниток. Если они равны по длине, то это плохой признак: получивший вскоре может умереть, а нитка будет служить дорогой, ведущей к покойникам. Аналогичную функцию символа дороги выполняют нитки, которые вручаются рекруту, уходящему в солдаты. Голову человека,

дающего клятву о своей честности, обвязывают суровой ниткой. Если он дает клятву, будучи преступником, то обрекает себя на скорую смерть [Поле 90: 157–158; ЧГИ 6: 567 и др.].

Нитка входит в состав предметов, с помощью которых можно гадать, предсказать или знать о судьбе отсутствующего дома человека. Так, знахарка вешает на иголку с ниткой кусочек хлеба и раскачивает; о здоровье солдата узнают по состоянию корки хлеба, подвешенной в клетке за нитку [ЧГИ 151: 88; 160: 275; 176: 592 и др.]. И в этих случаях нитка не утрачивает своего назначения — символа сакральной дороги, связи с иными силами и мирами.

Нитка может служить семантической преградой. Этот принцип используют хозяева водяных мельниц, когда попытки остановить разрывание пруда оказываются тщетными: запруду «опутывают» тремя суровыми нитками. Видимо, тот же смысл заключен в затыкании отверстий умершему родственнику. Сама процедура закрытия имеет нюансы, на которые исследователи не обращают внимания. Сначала длинной шелковой ниткой «затыкают» отверстие левого уха, затем ведут нитку к левому глазу, левой ноздре и т.д. Здесь присутствует символика преграды. Таким образом, умерший лишается всех шансов вернуться обратно, так как он ничего не видел, не слышал, не знает. В обряде изгнания *Шуйтана* из подпола явно присутствует мотив нитки-преграды. Проведя сам обряд, знахарка в буквальном смысле «опечатывает» половицу — вход в подпол: концы половиц перекрывает ниткой и прикрепляет смолой, на смолу прикладывает печать, которой служит бирка данного дома. Снимать печать знахарка приходит на третий день.

Провожая умершую женщину в иной мир, ей в гроб клали нитки. Полагали, что женщина, как и в этом мире, не должна забывать о рукоделии. Там жизнь продолжается [РНБ. Q.IV.379: 17 об.; ЧГИ 21: 25; 151: 124 и др.].

Если сравнить ритуалы, в которых нитка проявляет свои сакральные функции, то среди них выделяются похоронные обряды.

Топор — *турта*. Люди, идущие за водой для обмывания умершего, брали с собой топор или косырь. Прежде чем зачерпнуть воду из реки, топор бросали в воду лезвием к истоку. Разные злые духи, живущие в воде, боятся железных предметов и уходят с этого места. В таком действии топор служит средством очищения.

По представлению чувашей, если на человека налетит вихрь, то он может его измять, искалечить или даже унести, ибо внутри вихря находится злой дух *Савра çил*. В такой ситуации в вихрь следует кинуть топор или нож. Если нет этих и других железных предметов, то достаточно

произнести их названия [Поле 89: 128, 133; Автор и др.]. То же свойство защиты у железных предметов использовалось и другими народами в аналогичных ситуациях. Например, «в Германии большим привязывали на шею бумажку с изображением молота» [Даркевич 1961: 98]. Чувашки ударяют топором об гроб сразу же после его изготовления: забивают последний гвоздь и стучат еще по крыше гроба. Иногда так же поступают и после того, как опустят гроб в яму. У русских, когда покойника клали в гроб, старуха ударяла топором по тому месту, где до этого лежал мертвец, «чтобы этим срубить смерть» [Там же: 97]. Здесь топор имеет значение магического оберега, призванного отпугивать злых духов от тела покойника. В *сурхури* мужчины идут в поле «послушать землю». Придя на место, они очерчивают топором вокруг себя «железную ограду». И в этом случае топор играет характерную роль средства защиты. Заменителями топора могут служить нож, косырь, коса или другой железный предмет.

Как инструмент труда топор оставляют на свежих могилах мужчин.

В заговорах чувашек есть текст, согласно которому болезнь может одолеть человека лишь тогда, когда на горе времен первотворения пойман черную змею, разрубят ее на мелкие кусочки булатным топором, сожгут и развеют золу от этой змеи по ветру. На время грозы вонзают топор в середину двора в землю. Приступая к рытью могилы, сначала на место будущей ямы бросают топор со словами пожелания провалиться в тартарары [Автор; ЧГИ 176: 163; 218: 107 и др.]. Во всех трех примерах топор выполняет функцию отправителя в иной мир. В Скандинавии в бронзовом веке на могильных камнях, а также во Франции и Португалии на дольменах и менгирах вырезались изображения топоров. По мнению А.А. Котляревского и В.П. Даркевича, «в погребальной обрядности топор-секира как символ молнии служил знаком небесного происхождения очистительной стихии погребального костра» [Даркевич 1961: 97]. Миниатюрные бронзовые и железные топоры, символизирующие настоящие топоры, являются частыми находками на раскопках в Скандинавии, Финляндии и Прибалтике. Их также находят на местах древнерусских городищ и в бывшей Волжской Булгарии. В литературе они известны под названием «молот Тора». Если бог-мужчина с топором символизирует верховного бога, то в чувашской народной песне отцу невесты жених пытается вручить топор и отвлечь на время его внимание [ЧГИ 145: 569]. В данном сравнении топор символизирует главенство: в первом случае — среди богов, во втором — в доме.

Топор в обсуждаемом контексте может быть только у народов, древле придерживавшихся хозяйственно-культурного типа с орошае-

мым земледелием, ибо «молот Тора» способен не только отправить в преисподнюю антиподов; после удара топором-секиром раздается громовой раскат, а на землю льется поток благородного дождя. Таким образом, устанавливается гармония.

Этимология чувашского названия топора — *пуртă* — соответствует древнескандинавско-тевтонскому *barthe* — «топор, пика, копье», от которого происходит русско-немецкое *але барда*. У коми и удмуртов — *purt*, эвенков *porta* означает «нож».

Иголка — *йён*. Перед выездом с похоронной процессией со двора в хомут центральной лошади втыкают иголку с шелковой ниткой. Поскольку, по верованию чувашей, труп представляет собой нечистую силу, к нему по пути пристают *усалы*. А иголка, будучи сделанной из металла и являясь острым предметом, призвана оберегать всю процессию. На обратной дороге с кладбища эту иголку, заряженную отрицательной энергией, кидают в овраг, куда бросают использованный при мытье умершего луб. Аналогичную функцию оберега выполняют иголки в обряде «железная ограда»: ее втыкают во вспаханную борозду. Причем выбирают иголки безухие, т.е. необычные. Такую же безухую иглу использовали русские на свадьбе: ее невеста втыкала с той же целью в платье. Оберегательные свойства иголки включаются и в ритуалы для избавления от болезней. Так, в заговоре от *Ийе* знахарка вбивает косырем в половицу (на то место, где родился ребенок) иголку и приговаривает: «Выйди, Ийе, выйди. Тебе здесь и стоять нет места. Режу и колю. Отдай мне моего ребенка!» [ЧГИ 21: 518; 72: 88; 176: 91 и др.].

Знахари, приступая к гаданию, в один угол стола кладут кусок хлеба, в другой — уголь. В середину кладут еще кусок хлеба и, воткнув в него иголку с ниткой, приподнимают, при этом смотрят, в какую сторону наклонится кусочек хлеба на кончике иглы [ЧГИ 24: 588; 160: 275; Чулков 1786: 155 и др.]. В этом типе обрядового действия иголка входит в состав прибора для гадания.

После свадьбы свекровь рано будит молодую и отправляет ее к кадке месить тесто, предварительно бросив в муку иголку или зерно проса. Молодая жена должна в тесте найти эту иголку. Смысл этого поступка прост: если молодая аккуратна и будет осторожно перебирать каждый комочек, то иголку обязательно найдет и руку не поранит.

Укладывая умершую женщину в гроб, вместе с другими принадлежностями ей клали и иголку. Считали, что женщине она пригодится для шитья и на том свете [РНБ. Q.IV.279: 17 об.; ЧГИ 21: 25; 172: 7 об. и др.]. В этом случае иголка выполняет свою основную функцию — как повседневный инструмент рукоделия.

Лыко — *пушйт*. Лыко в обрядовом контексте приобретает сакральные функции. Существует неписанный запрет: нельзя сдирать лыко с *киреметного* дерева. Нарушивший табу может сильно заболеть, причину недуга может разгадать только знахарь. Для избавления от хвори советуют рядом с *киреметищем* посадить лыковое дерево. К шее жертвенного животного (барана, лошади, быка), которое приводят на место моления, к шее привязывают лыко [ЧГИ 6: 621, 622; 29: 122 и др.]. В *мункун* старое лыко выносится на улицу и сжигается, что символизирует очищение в широком смысле.

При устройстве жилища для домашнего божества *Йёрёха* используется лыко. Например, пук шиповника обвязывают лыком, затем к нему прикрепляют олово, все это подвешивается в укромном месте. Как известно, лыко используется в качестве настила в гробу: чтобы умершему было мягко, дно гроба устилают лыком, натягивая его; в старину и боковые доски гроба не забивались гвоздями, а «шились» лыком [ЧГИ 40: 255; 180: 417; 235: 105 и др.].

В молодежных обрядовых играх на *сурхури* и *улах*х в качестве основного элемента использовались ленты из лыка. Собрав в руку 30–40 лент, ведущий предлагал присутствующим взяться за концы. Парни брали с одной стороны, девушки — с другой. Затем, освободив пучок лент, ведущий смотрел: пара, у которой оказывались концы одного лыка, должна была поцеловаться. Лыко в качестве материала для рукоделия парни брали с собой на *улах* и плели из него лапти. Также оно клалось умершим мужчинам в гроб с той же целью.

Как видим, в ритуале лыко наделяется сакральными свойствами. Оно обладает мужской семантикой: с его помощью подводят животных мужского пола к жертвенному месту; парни на *улах*х плетут лапти из лыка; лыко кладут мужчинам в гроб. Лыко обнаруживает связь с иным миром, его нельзя сдирать с *киреметного* дерева, им «шьют» доски и устраивают мягкое дно гроба; *улах* как уединенный локус включает его в обрядовые игры.

Ножик — *пёчэк сёсё*. Ножик, будучи сделан из железа и обладая острым лезвием, наделен очищающим свойством. Это качество актуализируется в обрядах избавления от болезней, исходящих от духов. Так, при лечении от *Тум хаяр* наговорщик берет кружку воды, опускает туда горячий уголь, а потом мешает содержимое ножиком, сопровождая действия вербальным текстом. Вода, уголь, ножик — все они обладают физическим и магическим свойством очищения (смывание, фильтрация, разрезание). Таким образом, создается троекратно очищенная «смесь», которую дают пить больному. В результате творится новый человек, свободный от не-

гативных качеств. Древнеиндийский бог-демиург, творец всех существ и форм Тваштар также в руках держит топор или ножик, использующихся в качестве постоянного атрибута. В обоих случаях ножик направлен на уничтожение отрицательных сил и создание нового свойства.

Другое качество — защита — также актуализируется в чувашских обрядах, особенно в обрядах перехода, когда человек проявляет свою беззащитность. Чуваши не оставляют без присмотра младенцев. Если за ребенком некому присмотреть, рядом с ним кладут ножик. Укладывая умершего в гроб, иногда в руки ему дают тупой ножик, с помощью которого он мог бы защититься от нападения разных злых духов по пути в иной мир.

Третий обрядовый случай — положение ножика в гроб мужчинам в качестве необходимого для ремесла инструмента (лаптеплетение, отделка лыка, заточка деревянных предметов) [ГАУО, ф. 318, оп. 13.61: 23 об.; ЧГИ 176: 225; Паллас 1773: 143 и др.].

Веретено — *йёке*. Данный инструмент для рукоделия тесно связан с божеством — покровителем дома *Хёртсурт* (вариант — *Пирёути*). Дождавшись, когда дома все уснут, *Хёртсурт* садится с прялкой у печи, берет в руки веретено и, свесив ноги, работает. Она одета в белое платье. Если кто-то в это время услышит жужжание, то должен быстро вскочить и схватить веретено. У такого человека дело будет спориться. Поскольку во время прядения веретено издает звук, который мешает спать, вечером не следует у прялки оставлять веретено. Но *Хёртсурт* не любит, когда за ней ночью наблюдают. Так, согласно легенде, она ночью бросила веретено в сторону вышедшей во двор девушки и проколола ей глаз [Поле 88: 15; ЧГИ 160: 480; 167: 105 и др.].

Веретено символизирует любовные отношения. Особенно ярко это значение проявляется в заговоре для присушки. Здесь по принципу сужения перечисляют кумулятивный ряд объектов и вещей, упомянув в конце веретено в руках девушки, любящейся данным предметом. Затем говорится: «Пусть они (имена парня и девушки) так же любят друг другом». Любовная символика веретена проявляется и на *улах*. Старательные девушки, желая показать свое трудолюбие, на *улах* за ночь прядут по два веретена ниток.

Поскольку веретено — инструмент частного рукоделия, его кладут в гроб женщинам.

Как видим, веретено во всех вариантах обрядового контекста является символом женского начала, причем это наблюдается в обрядности не только чувашей, но и, например, в ламаизме [Жуковская 1977: 22].

Кочедык — *шёшлĕ* — приспособление для плетения лаптей. Одна из обрядовых функций кочедыка — перемешивание им заговариваемой

воды в кружке в обрядах избавления от болезней (от недугов, исходящих от божества *Киремет*, духа *Тум хаяр*, а также от сглаза). Конечно, актуализируется магическая сила железа.

Кочедык в качестве повседневного инструмента кладется мужчинам в гроб [Поле 90: 219; ГАУО, ф. 318, оп. 13.61: 32 об.; Паллас 1773: 143 и др.]. Как и другие инструменты рукоделия, он необходим родственникам, переселившимся в иной мир.

2.5. Мебель

Стол — *сѣтел*. На стол прежде всего выставляли хлеб в обрядах *чўклем*, *юпа*, «Жертвоприношение пивом». На сватовстве сторона, пришедшая к родителям девушки, начинает разговор с того, что выкладывает на стол хлеб. Другой атрибут обрядового стола — это свечи. Речь идет в основном о ритуале *юпа*. Здесь функция свечи на столе направлена на сотворение новой жизни вместо угасшей. Для этого на стол кладут круглый непочатый каравай, на него — сырок, а сверху устанавливают самую большую и длинную свечу. Такая свеча в горячем состоянии называется «свечой жизни» или «звездой спасения души». Она горит всю ночь, огонь поддерживают путем замены свечи. Люди в таком доме не спят до зари. Вслед за хлебом на стол подают пиво из новой бочки. Обычно пиво ставится в ведре. В качестве примеров можно назвать обряды *чўклем*, *юпа*, *мункун*. Поскольку пиво входит в число основных продуктов земледелия, то во время подачи на стол гости хором кричат: «Изобилие!» Затем на стол ставят кашу в котле или большой чашке. Если обряд посвящен духам предков, то кашу подают и на конник. В числе другой ритуальной пищи часто встречаются соль, суп, блины. Постелив на стол скатерть и накрыв его необходимыми продуктами, приступают к молению. Для этого все находящиеся за столом встают, а молещик-старик берет шапку под мышку. В своей речи он перечисляет всю еду, имеющуюся на столе, а котел каши даже наклоняет вперед, демонстрируя содержимое. Затем все усаживаются за стол. Глава дома нарежет куски мяса и дает каждому соответствующую часть. Как пиво, так и другая пища отделяется в заранее приготовленную посуду духам предков данного дома, в том числе и божеству *Хѣртсурт*. Существует множество вариантов ассортимента продуктов на столе и их назначения. Так, перед выездом на пашню заходят в дом, зажигают свечу и молятся перед хлебом на столе. При обращении к божеству *Киремет* в домашних условиях достаточно иметь на столе лепешку. Древняя форма венчания состояла в подведении жениха и невесты к столу с караваем